

СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ XIX-XX ВЕКОВ

(Сравнительно-историческое языкознание. Возникновение общего языкознания. Натурализм в языкознании. Психологическое направление. Логическое направление)

Основные положения и вопросы темы:

Сравнительно-историческое языкознание. Потребность в создании нового метода изучения языков. Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм и А. Х. Востоков как основатели сравнительно-исторического языкознания. Сравнительная грамматика Ф. Боппа и основные принципы ее построения. Работа Р. Раска “Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка”. Критерии установления родства языков в сравнительной грамматике Р. Раска. Я. Гримм и его четырехтомная “Немецкая грамматика” как первая историческая грамматика немецкого языка. Я. Гримм о трех ступенях в развитии человеческого языка. Выявление закономерностей звуковых переходов в германских языках. Закон Раска – Гримма. А. Х. Востоков как основоположник сравнительно-исторического метода на славянском языковом материале. Разграничение им старославянского и русского языков. Дальнейшее развитие сравнительно-исторического языкознания в работах А. Ф. Потга, А. Шлейхера, И. Шмидта, Ф. Дица, Ф. И. Буслаева и других ученых.

Возникновение общего языкознания. Лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта. Филология языка В. фон Гумбольдта в его работе “О разнообразии структур человеческого языка” и теоретическом введении к трехтомному труду “О языке кави на острове Ява”. Язык как энергия и деятельность духа. Связь языка и мышления в учении Гумбольдта. Форма языка как важнейшая часть его лингвистической теории. Знаковый и системный характер языка. В. фон Гумбольдт об основных законах развития языка. Основные типы языков по Гумбольдту. Важнейшие антиномии концепции В. фон Гумбольдта. Влияние идей В. фон Гумбольдта на развитие лингвистической теории.

Натурализм в языкознании. Натуралистическая концепция А. Шлейхера. Применение естественнонаучного метода в исследованиях языка в середине XIX века в связи с бурным развитием естественных наук. А. Шлейхер о языке как природном организме. Разграничение языкознания и филологии. Распространение А. Шлейхером на язык положений эволюционной теории Ч. Дарвина. Влияние философской системы Г. Гегеля на эволюционную теорию языка А. Шлейхера. Значение натурализма для языкознания.

Психологическое направление. Лингвистическая концепция А. А. Поттебни. Оформление и становление психологизма в языкознании середины – конца XIX в. в работах Г. Штейнталя, М. Лацаруса, В. Вундта, А. А. Поттебни. Этнический психологизм и индивидуальный психологизм как

два течения психологического направления в языкознании. Разработка философско-психологической теории языка А. А. Потебней на базе критического осмысления идей В. фон Гумбольдта, психологической теории И. Гербарта, этнической психологии М. Лацаруса и Г. Штейнталя. Положение Гумбольдта о языке как деятельности в трактовке Потебни. Антиномия понимания и непонимания. Соотношение языка и мышления в учении Потебни. Учение о слове в лингвистической теории Потебни. Грамматические исследования А. А. Потебни. Учение о предложении. Теория художественного слова Потебни. Развитие психологического направления в современной психолингвистике.

Логическое направление в языкознании. Логико-грамматическая школа середины XIX в. Логико-семантический принцип грамматики К. Ф. Беккера. Сравнительно-историческое логическое учение Ф. И. Буслаева в “Исторической грамматике русского языка”. Предложение как центр грамматической теории Буслаева. Разграничение Ф. И. Буслаевым морфологии и синтаксиса. Примат содержания над формой в синтаксических взглядах Буслаева.

Персоналии:

Франц Бопп (1791-1867) – немецкий ученый, один из основоположников сравнительно-исторического метода изучения языков. Родился в г. Майнце. Еще в гимназии изучал санскрит, персидский, арабский, древнееврейский языки. В 1812-1816 гг. в Париже изучает памятники санскрита, а также другие древневосточные языки. С 1821 г. Бопп является профессором восточной литературы и общего языкознания в Берлинском университете, а с 1829 г. – академиком. Автор трехтомной “Сравнительной грамматики санскрита, бенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков”. Ввел термин “индоевропейские языки”.

Расмус Христиан Раск (1787-1832) – датский исследователь, который одновременно с Боппом, но независимо от него начал исследование индоевропейских языков. Раск окончил Копенгагенский университет. В 1816-1823 гг. для изучения восточных индоевропейских языков совершил длительное путешествие в Индию, посетив по пути Петербург, Москву, Кавказ и Персию. С 1823 г. Раск – профессор Копенгагенского университета. Владел 25 языками, является автором грамматик испанского, итальянского, шведского и других языков. Главный труд в области сравнительно-исторического описания языков – “Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка”.

Якоб Гримм (1785-1863) исследовал с помощью сравнительно-исторического метода одну языковую группу – германскую. Родился в г. Ганау, учился на юридическом факультете Марбургского университета. Однако его истинным призванием стала филология. В 1830 г. занимает кафедру немецкого языка и литературы в Геттингенском университете, с

1840 – профессор Берлинского университета. Автор четырехтомной “Немецкой грамматики”.

Александр Христофорович Востоков (псевд.; настоящая фамилия Остенек, 1781-1864) – основоположник сравнительно-исторического метода на славянском языковом материале. Родился в эстонском городе Аренсбург. Учился в Петербурге в Кадетском корпусе, затем в Академии художеств. Работа в Императорской публичной библиотеке в должности помощника хранителя рукописей дала ему возможность ознакомиться с древнерусскими памятниками. Основные работы Востокова, в которых язык исследуется в историческом и сравнительном аспектах, следующие: “Рассуждение о славянском языке”, “Русская грамматика”, “Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума”, “Словарь церковнославянского языка”.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) – основатель общего языкознания. Родился в старинной дворянской семье в г. Берлине. В 1778 г. поступает в университет во Франкфурте-на-Одере, где изучает юриспруденцию, а через год переходит в Геттингенский университет, в котором изучает филологию. Политика и дипломатия, языкознание, теория литературы, философия, государственное право – вот основной круг его научных, творческих и жизненных интересов. Языковые познания Гумбольдта охватывали европейские, малайско-полинезийские, индейские языки, санскрит, баскский, китайский, японский, древнеегипетский и другие языки мира, что обеспечивало ему необычайную широту лингвистического кругозора и давало надежную основу для общетеоретических построений. В 1808-1810 гг. Гумбольдт занимает пост министра исповедания и народного просвещения и создает новый центр немецкой науки – Берлинский университет, много способствует реорганизации средней и высшей школы. Наиболее полно концепция языка Гумбольдта изложена в работе “О разнообразии структур человеческого языка” и теоретическом введении к трехтомному труду “О языке кави на острове Ява”, занимающем целый том под названием “О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода”.

Август Шлейхер (1821-1868) – основоположник натуралистической концепции в языкознании. Шлейхер наряду с языкознанием изучал философию и ботанику, что наложило известный отпечаток на его взгляды. С 1846 г. он доцент в университете в Бонне, с 1850 преподает в Праге, а с 1875 – в Иенском университете. В 1858 г. был избран иностранным членом-корреспондентом Российской Академии наук. Шлейхер был разносторонним лингвистом, он занимался германскими, славянскими и балтийскими языками в сравнительно-историческом и типологическом аспектах. Наиболее полно и отчетливо натурфилософия языка Шлейхера отражена в работах “Теория Дарвина и наука о языке” и “Значение языка для естественной истории человека”.

Александр Афанасьевич Потебня (1835-1891) – один из основоположников психологического направления в языкознании,

крупнейший представитель общего языкознания. Родился в Полтавской губернии в украинской дворянской семье. В 1850-1856 гг. Потебня учится в Харьковском университете сначала на юридическом факультете, а затем на историко-филологическом. С Харьковским университетом была тесно связана научная и педагогическая деятельность А. А. Потебни (в 1860 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1863 г. стал приват-доцентом, в 1874 г. защитил докторскую диссертацию “Из записок по русской грамматике”, в 1875 г. становится профессором кафедры истории русского языка и литературы). Научные интересы Потебни были необычайно широки: философия языка, вопросы общего языкознания, грамматическая теория, семантика, диалектология, компаративистика, поэтика, фольклор, этнография. Общелингвистические взгляды А. А. Потебни находят свое отражение в работах “Мысль и язык”, “Из лекций по теории словесности”, в четырехтомном труде “Из записок по русской грамматике”.

Федор Иванович Буслаев (1818-1897) – крупнейший представитель логического направления в русском языкознании. Родился в бедной семье уездного стряпчего в Пензенской губернии. В 1838 г. окончил Московский университет, с 1847 профессор этого университета. Оставил труды по истории русского языка, древнерусской литературе, устному народному творчеству. Известен также как специалист по древнерусскому изобразительному искусству. Лингвистические взгляды Буслаева выражены в его основных работах: “О преподавании отечественного языка” и “Опыт исторической грамматики русского языка” (со 2-ого издания – “Историческая грамматика русского языка”).

Вопросы для обсуждения.

1. Сравнительно-историческое языкознание.
2. Возникновение общего языкознания. Лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта.
3. Антиномии языка по В. фон Гумбольдту.
4. Натурализм в языкознании. Натуралистическая концепция А. Шлейхера.
5. Психологическое направление в языкознании.
6. Лингвистическая концепция А. А. Потебни.
7. Логическое направление в языкознании.

Вопросы и задания для контроля и самопроверки:

1. Назовите представителей сравнительно-исторического языкознания.
2. Укажите особенности лингвистической концепции Ф. Боппа.
3. Назовите критерии установления родства языков, предложенные Р. Раском.
4. Что можно отнести к основной заслуге Я. Гримма в развитии сравнительно-исторического языкознания?

5. Расскажите о лингвистической деятельности А. Х. Востокова как основоположнике сравнительно-исторической славистики.
6. Назовите основные положения сравнительно-исторического метода изучения языка.
7. Почему лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта является новым этапом в развитии языкознания?
8. Назовите антиномии языка, предложенные В. фон Гумбольдтом.
9. В чём специфика натуралистического направления в языкознании и натуралистической концепции А. Шлейхера?
10. Как рассматривали язык представители психологической концепции языкознания?
11. Докажите, что позиция В. Вундта по отношению к другим представителям психологизма является специфической.
12. Какие вопросы языка исследует в своих работах А. А. Потебня?
13. Назовите представителей логического направления в языкознании.
14. Какие вопросы языка исследовал Ф. И. Буслаев?

Темы рефератов:

1. Распространение сравнительно-исторического метода в славянских странах.
2. Лингвистическая концепция Ф. Боппа. Теория агглютинации.
3. Лингвистические взгляды Расмуса Христиана Раска.
4. Лингвистическая деятельность Якоба Гримма.
5. Г. Штейнталь – основоположник психологического направления в языкознании.
6. Общее и сравнительно-историческое языкознание в России в начале XIX века (Г. С. Лебедев, Ф. П. Аделунг, И. С. Рижский, И. Орнатовский, И. Ф. Тимковский, Л. Якоб, А. Х. Востоков).
7. Учение о предложении А. А. Потебни.
8. Сравнительно-историческая проблематика в трудах И. И. Срезневского.
9. Лингвистические взгляды Ф. И. Буслаева.
10. Понятие праязыка и теория родословного древа (по А. Шлейхеру).

Литература:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. 4-е изд., испр. и доп. М., 2005.
2. Амирова и др. История языкознания. М., 2003.
3. Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1984.
4. Будагов Р.А. Портреты языковедов XIX-XX веков. Из истории лингвистических учений. М., 1988.
5. Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. В 3-х т. Минск, 1976-1978.
6. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.

7. Буслаев Ф.И. Мои досуги: Воспоминания, статьи, размышления.
8. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
9. Гируцкий А.А. Общее языкознание. 3-е изд., стереотип. Минск, 2003.
10. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
11. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.1. М., 1964.
12. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 1999.
13. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. 2-е изд., стереотип. М., 2000.
14. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
15. Левицкий Ю.А. История лингвистических учений. М., 2005.
16. Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1999.
17. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. 2-е изд., испр. СПб, 2003.
18. Смирнов С.В. Отечественные филологи-слависты середины XVII – начала XX века. М., 2001.
19. Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973.
20. Чурмаева Н.В. Ф. И. Буслаев. М., 1984.
21. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений. М., 2004.

ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

ТЕКСТ 1. Р. РАСК. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ДРЕВНЕСЕВЕРНОГО ЯЗЫКА, или ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСЛАНДСКОГО ЯЗЫКА Об этимологии вообще

...Как только берешься за исследование языка, так сейчас же замечаешь, что имеются две различные стороны, с которых он может быть рассмотрен, что соответствует двум частям языка. Первая из них – это грубая и свободная материя, без которой язык вообще не существует, другая состоит из более или менее разнообразных форм и связей, без которых материя может быть зафиксирована в письме, но без помощи которой народ не может говорить, да и сам язык не может быть создан; первая – это отдельные слова (лексика), вторая – это изменение их форм и способы связи, или строй языка (грамматика).

Если мы сравним несколько языков, стремясь к тому, чтобы это сравнение было полным и дало нам возможность судить об их родстве, древности и прочих отношениях, то мы должны непременно иметь в виду обе эти стороны языка и особенно не забывать о грамматике, так как опыт показывает, что лексические соответствия являются в высшей степени ненадежными. При общении народов друг с другом невероятно большое число слов переходит из одного языка в другой независимо от характера происхождения и типа этих языков. Так, например, значительное число датских слов попало в гренландский, а множество португальских и испанских слов – в малайский и тагалогский языки.

Грамматические соответствия являются гораздо более надежным признаком родства или общности происхождения, так как известно, что язык, который смешивается с другим, чрезвычайно редко или, вернее, никогда не перенимает форм склонения и спряжения у этого языка, но, наоборот, скорее теряет свои собственные. Так, например, английский язык не перенял форм склонения и спряжения у скандинавского или французского, но, напротив, потерял многие древние англосаксонские флексии. Таким же образом ни датский язык не перенял немецких окончаний, ни испанский – готских или арабских. На эту сторону соответствий, являющуюся наиболее важной и значительной, до настоящего времени почти совершенно не обращали внимания при исследовании языка, что составляет самую большую ошибку большинства работ, написанных до сегодняшнего дня в этой области, и служит причиной того, что они являются столь сомнительными и имеют столь малую научную ценность.

Язык, имеющий наиболее богатую формами грамматику, является наименее смешанным, наиболее первичным по происхождению, наиболее древним и близким к первоисточнику; это обусловлено тем обстоятельством, что грамматические формы склонения и спряжения изнашиваются по мере дальнейшего развития языка, но требуется очень долгое время и малая связь с другими народами, чтобы язык развился и организовался по-новому. Так, датский язык в грамматическом отношении проще исландского, английский проще англосаксонского; такие же отношения существуют между новогреческим и древнегреческим, итальянским и латинским, немецким и мизиготским, и так же обстоит дело во всех известных нам случаях.

Язык, каким бы смешанным он ни был, принадлежит вместе с другими к одной группе языков, если наиболее существенные, материальные, необходимые и первичные слова, составляющие основу языка, являются у них общими. Напротив того, нельзя судить о первоначальном родстве языка по словам, которые возникают не естественным путем, т. е. по словам вежливости и торговли, или по той части языка, необходимость добавления которой к древнейшему запасу слов была вызвана взаимным общением народов, образованием и наукой; формирование этой части языка зависит от множества обстоятельств, которые могут быть познаны только исторически. Только с их помощью можно установить, заимствовал ли народ подобные элементы непосредственно из другого языка или сам создал их. Так, английский язык по праву причисляется к готской (*германской* – А. Г.) группе языков, и в частности к саксонской ветви, основной германской ее части, так как целый ряд слов английского словарного запаса является саксонским в своей основе... Следует отметить, что местоимения и числительные исчезают самыми последними при смешении с другим неоднородным языком; в английском языке, например, все местоимения готского, а именно саксонского, происхождения...

(Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков
в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964. С. 41-42.)

ТЕКСТ 2. В. ФОН ГУМБОЛЬДТ. О РАЗЛИЧИИ СТРОЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА

Форма языков

Чтобы можно было успешно идти по указанному пути, необходимо установить определенное направление в исследовании языка. Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, но как созидающий процесс, надо абстрагироваться от того, что он функционирует в качестве обозначения предметов и как средство общения, и, напротив того, с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней, духовной деятельностью и к взаимному влиянию этих двух явлений. Успехи, которыми увенчалось изучение языков в последние десятилетия, облегчает обзор предмета во всей совокупности его черт. Ныне можно ближе подойти к выяснению тех особых путей, идя которыми различным образом подразделяемые, изолированные или же связанные между собой народные образования человеческого рода создавали свои языки. Именно здесь находится причина различия строения человеческих языков и его влияния на процесс развития духа, что и составляет предмет нашего исследования.

Но как только мы вступаем на этот путь исследования, мы тотчас сталкиваемся с существенной трудностью. Язык предстает перед нами во множестве своих элементов: слов, правил, аналогий и всякого рода исключений. Испытываешь смущение оттого, что все это многообразие явлений, которое, как его ни классифицируй, представляется хаосом, следует приравнять к единству человеческого духа. Если мы даже и располагаем всеми необходимыми лексическими и грамматическими данными двух важнейших языковых семей – санскритской и семитской, мы все же еще не в состоянии обрисовать характер каждой из них в таких простых чертах, посредством которых эти языки можно было бы успешно сравнивать друг с другом и по их отношению к духовным силам народа определять принадлежające им место среди всех других типов языков. Для этого необходимо отыскать общий источник отдельных своеобразий, соединить разрозненные части в органическое целое. Только таким образом можно удержать вместе их частности. И поэтому, чтобы сравнение характерных особенностей строения различных языков было успешным, необходимо тщательно исследовать форму каждого из них и таким путем определить способ, каким языки решают вообще задачу формирования языка. Но так как понятие формы языка истолковывается различно, я считаю необходимым сначала объяснить, в каком смысле я употребляю его в настоящем исследовании. Это тем более необходимо, что мы здесь будем говорить не о языке вообще, а об отдельных языках различных народностей. В этой связи важно четко отграничить отдельный язык, с одной стороны, от семьи языков, а с другой – от диалекта и вместе с тем определить, что следует понимать под

одним и тем же языком, имея в виду, что с течением времени он подвергается значительным изменениям.

По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia). Его истинное определение поэтому может быть только генетическим. Язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли. В строгом и ближайшем смысле это определение пригодно для всякого акта речевой деятельности, но в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности. В беспорядочном хаосе слов и правил, который мы обычно именуем языком, наличествуют только отдельные элементы, воспроизводимые – и притом неполно – речевой деятельностью; необходима все повторяющаяся деятельность, чтобы можно было познать сущность живой речи и создать верную картину живого языка. По разрозненным элементам нельзя познать того, что есть высшего и тончайшего в языке, это можно постичь и ощутить только в связной речи, что является лишним доказательством пользы того, что сущность языка заключается в его воспроизведении. Именно поэтому во всех исследованиях, стремящихся проникнуть в живую сущность языка, следует в первую очередь сосредоточивать внимание на связной речи. Расчленение языка на слова и правила – это только мертвый продукт научного анализа.

Определение языка как деятельности духа правильно и адекватно уже и потому, что бытие духа вообще может мыслиться только в деятельности. Расчленение строения языков, необходимое для их изучения, может привести к выводу, что они представляют собой некий способ достижения определенными средствами определенной цели; в соответствии с этим выводом язык превращается в создателя народа. Возможность недоразумения подобного порядка оговорена уже выше, и поэтому нет надобности их снова разъяснять.

Как я уже указывал, при изучении языков мы находимся, если так можно выразиться, на полпути их истории, и ни один из известных нам народов или языков нельзя назвать первобытным. Так как каждый язык наследует свой материал из недоступных нам периодов доистории, то духовная деятельность, направленная на выражение мысли, имеет дело уже с готовым материалом: она не создает, а преобразует.

Эта деятельность осуществляется постоянным и однородным образом. Это происходит потому, что она обуславливается духовной силой, которая не может преступить определенные, и притом не очень широкие, границы, так как указанная деятельность имеет своей задачей взаимное общение. Никто не должен говорить с другим иначе, чем этот другой говорил бы при равных условиях. Кроме того, унаследованный материал не только одинаков, но,

имея единый источник, он близок и общему умунастроению. Постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей артикулированный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка.

При этом определении форма языка представляется научной абстракцией. Но было бы абсолютно неправильным рассматривать ее в качестве таковой – как умозаключение, не имеющее реального бытия. В действительности она представляет собой сугубо индивидуальный способ, посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства. Но так как нам не дано познать форму языка во всей ее совокупности и цельности и так как мы узнаем о ее сущности только по отдельным проявлениям, то нам не остается ничего другого, как формулировать ее регулярность в виде мертвого общего понятия. Сама же по себе внутренняя форма едина и жива.

Трудность исследования самых тонких и самых важных элементов языка нередко заключается в том, что в общей картине языка наше чувство с большой ясностью воспринимает отдельные его преходящие элементы, но нам не удается с достаточной полнотой формулировать воспринятое в четких понятиях. С подобной трудностью предстоит и нам бороться. Характерная форма языка отражается в его мельчайших элементах, и вместе с тем каждый из этих элементов тем или иным и не всегда ясным образом определяется языком. Вместе с тем едва ли в языке можно обнаружить моменты, относительно которых можно сказать, что они сами по себе и в отдельности являются решающими для определения характера языка. В каждом языке можно найти многое, что, не искажая его формы, можно представить по-иному. Обращение к общему впечатлению помогает и отдельному рассмотрению. Но в этом случае можно достичь и противоположного результата. Резко индивидуальные черты сразу бросаются в глаза и бездоказательно влияют на чувство. В этом отношении языки можно сравнить с человеческими физиономиями: сравнивая их между собой, живо чувствуешь их различия и сходства, но никакие измерения и описания каждой черты в отдельности и в их связи не дают возможности сформулировать их своеобразие в едином понятии. Свообразие физиономии состоит в совокупности всех черт, но зависит и от индивидуального восприятия; именно поэтому одна и та же физиономия представляется каждому человеку по-разному. Так как язык, какую бы форму он ни принимал, всегда есть духовное воплощение индивидуально-народной жизни, необходимо учитывать это обстоятельство; как бы мы ни разъединяли и ни выделяли все то, что воплощено в языке, в нем всегда многое остается необъясненным, и именно здесь скрывается загадка единства и жизненности языка. Ввиду этой особенности языков описание их формы не может быть абсолютно полным, но достаточным, чтобы получить о них общее представление. Поэтому понятие формы языка открывает исследователю путь к постижению тайн языка и выяснению его природы. Если он пренебрежет этим путем, многие моменты останутся неизученными, другие –

необъясненными, хотя объяснение их вполне возможно, и, наконец, отдельные факты будут представляться разъединенными там, где в действительности их соединяет живая связь.

Из всего сказанного с полной очевидностью явствует, что под формой языка разумеется отнюдь не только так называемая грамматическая форма. Различие, которое мы обычно проводим между грамматикой и лексикой, имеет лишь практическое значение для изучения языков, но для подлинного языкового исследования не устанавливает ни границ, ни правил. Понятие формы языка выходит далеко за пределы правил словосочетаний и даже словообразований, если разуметь под последними применение известных общих логических категорий действия, субстанции, свойства и т. д. к корням и основам. Образование основ само должно быть объяснено формой языка, так как без применения этого понятия останется неопределенной и сущность языка.

Форме противостоит, конечно, материя, но, чтобы найти материю формы языка, необходимо выйти за пределы языка. В пределах языка материю можно определять только по отношению к чему-либо, например основы соотносительно со склонением. Но то, что в одном отношении считается материей, в другом может быть формой. Заимствуя чужие слова, язык может трактовать их как материю, но материей они будут только по отношению к данному языку, а не сами по себе. В абсолютном смысле в языке не может быть материи без формы, так все в нем направлено на выполнение определенной задачи, а именно на выражение мысли. Эта деятельность начинается уже с первичного его элемента – артикулированного звука, который становится артикулированным только вследствие процесса оформления. Действительная материя языка – это, с одной стороны, звук вообще, а с другой – совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка.

Ясно поэтому, что для того, чтобы составить представление о форме языка, необходимо обратить особое внимание на реальные свойства его звуков. С алфавита начинается исследование формы языка, он должен служить основой для исследования всех частей языка. Вообще понятием формы отнюдь не исключается из языка все фактическое и индивидуальное; напротив того, в него включается только действительно исторически обоснованное, точно так же как и все самое индивидуальное. Можно сказать, что, следуя только этим путем, мы обеспечиваем исследование всех частных, которые при другом методе легко проглядеть. Это ведет, конечно, к утомительным и часто уходящим в мелочи изысканиям, но именно эти мелочи и составляют общее впечатление языка, и нет ничего более несообразного с исследованием языка, чем поиски в нем только великого, идеального, господствующего. Необходимо тщательное проникновение во все грамматические тонкости слов и их элементов, чтобы избежать ошибок в своих суждениях. Само собой разумеется, что эти

частности входят в понятие формы языка не в виде изолированных фактов, но только в той мере, в какой в них вскрывается способ образования языка. Посредством описания формы следует устанавливать тот специфический путь, которым идет к выражению мысли язык и народ, говорящий на нем. Надо стремиться к тому, чтобы быть в состоянии установить, чем отличается данный язык от других как в отношении своих целей, так и по своему влиянию на духовную деятельность народа. По самой своей природе форма языка, в противоположность материи, есть восприятие отдельных элементов языка в их духовном единстве. Такое единство мы обнаруживаем в каждом языке, и посредством этого единства народ усваивает язык, который передается ему по наследству. Подобное единство должно найти отражение и в описании, и только тогда, когда от разрозненных элементов поднимаются до этого единства, получают действительное представление о самом языке. В противном случае мы подвергаемся опасности не понять указанные элементы в их действительном своеобразии и тем более в их реальных связях.

С самого начала следует отметить, что тождество и родство языков должно основываться на тождестве и родстве форм, так как действие может быть равным только причине. Одна только форма решает, с какими другими языками родственен данный язык. Это, в частности, относится и к языку кави, который, сколько бы он санскритских слов ни включил в себя, не перестает быть малайским языком. Формы многих языков могут сходиться в более общей форме, и, действительно, мы наблюдаем это в отношении всех языков, поскольку речь идет о самых общих чертах: о связях и отношениях представлений, необходимых для обозначения понятий и словосочетаний; о сходстве органов речи, которые по своей природе могут артикулировать определенное количество звуков; наконец, об отношениях между отдельными гласными и согласными и известными чувственными восприятиями, вследствие чего в разных языках возникает тождество обозначений, не имеющее никакого отношения к генетическим связям. В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке и что каждый человек обладает своим языком. Но среди прочих сходных явлений, связывающих языки, особенно выделяется их общность, основывающаяся на генетическом родстве народов. Здесь не место говорить о том, как велика и какого характера должна быть эта общность, чтобы можно было с уверенностью говорить о генетическом родстве языков, не подтвержденном историческими свидетельствами. Мы ограничимся только указанием на применение развитого нами понятия формы языка к генетически родственным языкам. Из всего изложенного с полной очевидностью явствует, что форма отдельных генетически родственных языков должна находиться в соответствии с формой всего семейства. В них не может быть ничего, что было бы несогласно с общей формой; более того, каждая их особенность, как правило, тем или иным образом обуславливается этой общей формой. В каждом семействе существуют языки, которые чище и

полнее других сохранили первоначальную форму. В данном случае речь идет о языках, развивающихся друг из друга, когда, следовательно, реально существующая материя (в описанном выше смысле) передается от народа к народу (этот процесс редко удается проследить с точностью) и подвергается преобразованию. Но само это преобразование может осуществляться только родственным образом, учитывая общность характера представлений и идейной направленности вызывающей его духовной силы, сходство речевых органов и унаследованных артикуляционных привычек и, наконец, тождество внешних исторических влияний.

(Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964. – С. 90 – 95.)

ТЕКСТ 3. Г. ШТЕЙНТАЛЬ. ГРАММАТИКА, ЛОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ (их принципы и их взаимоотношения)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ

Уже в предварительных замечаниях мы сказали, что язык является предметом психологического наблюдения не только как любая другая деятельность души – доказательство его возникновения. Его сущности вообще, его положения в развитии и деятельности духа образует своеобразный и существенный раздел психологии. При изложении вопросов. Связанных с языком и грамматикой вообще и с действительностью различных языков, мы постоянно находились в границах психологии. Мы не выходим за ее пределы и при переходе к вопросам различия языков, мы покидаем лишь одну ее область, которой психология ограничивается еще в настоящее время, и переходим в другую, которая в такой же степени относится к психологии, хотя и исследовалась только от случая к случаю. Дело в том, что современная психология есть и н д и в и д у а л ь н а я психология, т. е. ее предметом является психический индивидуум. Как он вообще проявляется в каждом одушевленном существе, в человеке и до известной степени в животном. Но существенным определением человеческой души является то, что она не является обособленным индивидуумом, но принадлежит к определенному н а р о д у. Таким образом, индивидуальная психология требует существенного дополнения в виде п с и х о л о г и и н а р о д о в. По своему рождению человек принадлежит к какому-либо народу; тем самым его духовное развитие обусловлено определенным образом. Следовательно, нельзя полностью составить понятие об индивидууме, не принимая во внимание той духовной среды, в которой он возник и живет.

Индивидуум и народ

Мы совсем не можем мыслить себе человека иначе, кроме как говорящим и вследствие этого членом определенного национального

коллектива, и, следовательно. Не можем мыслить человечество иначе, кроме как разделенным на народы и племена. Всякое другое воззрение, которое рассматривает человека таким, каким он был до образования народов и языков, неизбежно представляет собой научную фикцию, как понятие математической точки и линии или как понятие падения в безвоздушном пространстве; но оно никоим образом не охватывает человека в его действительном бытии. Следовательно, психология народов переносит нас прямо в действительность человеческой жизни с разделением людей на народы и далее на более мелкие коллективы внутри них.

Каждый народ образует замкнутое единство, частное проявление человеческой сущности; и все индивиды одного народа носят отпечаток этой особой природы народа на своем теле и на душе. Со стороны физической организации это сходство объясняется кровным родством, т. е. единством происхождения, сходными влияниями извне – влияниями природы и образа жизни; сходство же духовной организации определяется созвучной жизнью, т. е. совместным мышлением. Первоначально мыслили только сообща; каждый связывал свою мысль с мыслью своего соплеменника, и возникшая отсюда новая мысль принадлежала как тому, так и другому, подобно тому как дитя принадлежит отцу и матери. Сходная физическая организация и сходные впечатления, получаемые извне, производят сходные чувства, склонности, желания, а эти в свою очередь – сходные мысли и сходный язык. Мыслить человека только живущим в составе народа – это значит одновременно мыслить его подобным многим индивидам, это значит мыслить понятие «человек» только как различные национальные единства, каждое из которых охватывает многих одинаково мыслящих индивидов.

Продукты духа народа

Воздействие телесных влияний на душу вызывает известные склонности, тенденции, предрасположения, свойства духа, одинаковые у всех индивидов, вследствие чего все они обладают одним и тем же **н а р о д н ы м д у х - о м**. Этот дух народа проявляется прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, в традициях и песнопениях; все это – продукты духа народа.

Структура психологии народов

Психология народов членится на следующие части: во-первых, **а н а л и - т и ч е с к а я**, которая излагает всеобщие законы, определяющие развитие и взаимодействие действующих в жизни народа сил, затем **с и н т е т и ч е с к а я**, которая показывает отдельные продукты этого взаимодействия сил и рассматривает их как составленный из многих органов и функций организм, прежде всего как организм, твердо основывающийся на самом себе и не меняющий своей конституции. И потом только как организм, исторически развивающийся; наконец **п с и х и ч е с к а я э т н о л о г и я**, которая представляет все народы мира как *царство духов народа* по индивидуальным особенностям их облика.

Таким образом, психология народов образует всестороннюю основу для философии истории.

Язык и дух народа

Во всех этих соображениях исследование языка играет самую значительную роль, а языкознание служит наилучшим введением к психологии народов; как развитие общей сущности языка является разделом индивидуальной психологии, так исследование отдельных языков как своеобразных форм осуществления языка вообще и как особых единых систем инстинктивного мировоззрения, каждая из которых обладает своим особым принципом, есть раздел психо-этнологии. Ведь если и следует проследить возникновение и развитие языка вообще из индивидуального духа – причем и здесь уже наталкиваются на человека как на общественное существо, – все же при рассмотрении действительного, созданного и, следовательно, в то же время особого языка возникает вопрос: *кому он принадлежит? кто его создал?* Не индивидуум сам по себе; ведь индивидуум говорит в обществе. Его понимали, когда он в процессе речи создавал язык; следовательно, то, что говорил один и как он говорил, уже присутствовало до момента речи и в уме слушающего. Итак, говорящий создал язык одновременно из своей души и из души слушающего, и потому произнесенное слово принадлежит не только ему, но и другому.

Таким образом, язык по своей сути есть продукт сообщества, народа. Когда мы называем язык инстинктивным самосознанием, инстинктивным мировоззрением и логикой, это означает, что язык является *самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа.*

Итак, данные языка наиболее ярко иллюстрируют все принципы психологии народов. Единство индивидов в народе отражается в общем для них языке; определенная индивидуальность духа народа нигде не выражается так ярко, как в своеобразной форме языка; его принцип, придающий ему своеобразную форму, является самым подлинным ядром духа народа; совместные действия индивидуума и его народа главным образом основываются на языке, на котором и с помощью которого он думает и который все же принадлежит его народу. История языка и историческое развитие духа народа, образование новых народов и новых языков теснейшим образом проникают друг в друга. Упадок звукового строя языков и в противовес этому дальнейшее совершенствование их внутренней формы являются одним из важнейших пунктов для познания своеобразного духа народов.

(Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964. – С. 132 – 135.)